

Путешествовать в человеческом облике - глупо.

Возможно, Курама уже привык к тому, что приходится везде ходить пешком, когда один шаг занимает ярд, да и то не всегда, но когда человек проводит значительную часть своего существования в чужом теле, это означает, что он может отключаться, когда что-то неинтересно. Большую часть времени он проводил во сне. Или, до того как Наруто добрался до него, - в ярости. Замыслы и планы, восстановление сил, сон, воспоминания о последних словах Мудреца - все в таком духе.

Но ничто из этого не подготовило его к тому, что теперь он передвигается со скоростью, эквивалентной ползанию слизняка по сравнению с обычными шагами биджуу.

Неприятно также видеть повсюду людей. Ну, не везде, потому что сейчас зима, и большинство людей достаточно умны, чтобы оставаться дома, когда сталкиваются со снегом Страны Земли и пронизывающим холодом Страны Огня, но их все равно больше, чем Курама привык. Кагуя никогда не заботилась о сопутствующем ущербе, и мирных жителей быстро уничтожали. Она не могла использовать их так, как трупы шиноби - у них не было систем чакры или они были сильно недоразвиты, как однажды предположила Сакура, - но она не хотела рисковать тем, что где-то рядом родятся те, кто способен создавать ее чакру.

Курама нередко бросает странные взгляды не только на себя, но и на движение по дорогам. В основном он их игнорирует; это легко списать на то, что Хан - огромный человек, самый крупный из джинчуурики, и Курама чувствует себя так, будто плывет в одолженной форме. Наверное, это выглядит так, будто он ограбил великана ради его одежды или что-то в этом роде. Это раздражает, впрочем, как и практически все в этой ситуации.

Он снова думает о Наруто, о том, что бы Наруто сказал или сделал в этой ситуации. Он бы, наверное, смеялся, светлый и веселый, шел бы со скрещенными за головой руками, без всякого плана, но с полной уверенностью, что все получится. Краем глаза Курама почти видит Наруто, идущего рядом с ним, и ему приходится резко тряхнуть головой, чтобы прогнать это видение.

Его Наруто мертв. И хотя Курама приложит все усилия, чтобы в конце концов он стал таким, гарантий нет.

Чтобы исполнить последнее желание Наруто, Кураме придется уничтожить все шансы на его появление. Ведь он здесь, чтобы остановить Кагую, а для этого ему нужно отрезать ей все пути к возвращению. Зецу должен умереть, исчезнуть, а это значит, что Кураме, скорее всего, придется уничтожить и остальных Акацуки.

Это не так уж сложно, учитывая их цели и то, что они сделали в первый раз. Угроза джинчуурики - это угроза Наруто, и Курама вряд ли оставит это без внимания.

Гнев кипит под поверхностью его раздражения, нотки ярости подкреплены железным контролем, которому Курама научился за десятилетия заточения. На этот раз нет ни тюремщика, ни рыжеволосой женщины, цепляющейся за его цепи, ни светловолосого

мальчика, решившего никогда не причинять никому вреда силой Курамы, но все же. Курама выглядит человеком. Он больше не огромный предвестник беды - это существо, которое до сих пор запечатано и кипит в душе Наруто. Курама, каким он стал сейчас, не может позволить себе выпустить гнев наружу, пока не привыкнет к человеческому облику.

Какудзу победил его. Если бы Хан не сражался с ним, возможно, Курама умер бы там, в снегу, и жертва Наруто стала бы совершенно бессмысленной. Он не знает целительных способностей этого тела и не хочет их проверять. Раны от стержней контроля чакры Кагуи исчезли, но сколько в этом было тела Наруто, а сколько - печати? И вообще, имеет ли чakra Курамы какое-то значение, если система Наруто так привыкла к тому, что у него есть и она, и стойкость Узумаки?

Части Узумаки больше нет. От чакры Наруто не осталось и следа, и Курама искал, обыскивал каждую клеточку этого нового знакомого тела в поисках хоть какого-то намека на прежнего обитателя. Впрочем, с таким же успехом это может быть пустой сосуд, из которого вытряхнули все до последней унции содержимого, вытерли и оставили только для Курамы.

Черт бы побрал это отродье за то, что оно так хорошо разбирается в печатях. Почему, почему он не мог использовать это, чтобы найти способ вернуть их обоих? Почему нельзя было поменять их позиции местами? Курама знает пределы своей эмпатии, своих способностей, а у Наруто их не было. Наруто спас бы всех, разбил бы всех до единого врагов, чтобы потом стоять в одиночестве и побеждать. С Курамой или без него, он всегда был героем.

Курама - это стихийное бедствие, заключенное в физическую форму, и больше ничего.

Он снова вспомнил сцену перед тем, как Наруто отбросил их назад во времени: кровь, тьма, матово-черный металл, тело Сакуры, смятое, как брошенная кукла. Помнит, как Наруто упал, как его тело ударилось о землю с глухим, плоским звуком - слишком поздно, чтобы остановить действие печати, даже когда свет выскользнул из его глаз. Старается не думать о безумном приливе чакры, о том, как реальность вокруг него искажается и ломается, как сгорают те частички Наруто, которые остались внутри него, - человеческая душа слишком хрупка для такого сдвига.

Что значит для Курамы то, что он выжил?

Курама знает, что он не демон, как бы ни называли его ныне живущие глупцы; он мало что знает о зле, да и о добре, конечно, тоже, потому что он - существо злобы и ненависти, но то, что он есть, исходит от самих людей. Он такой, каким его сделал Мудрец, и если люди хотят называть его злым, пусть так и будет. Он просто отражение их тьмы, но Наруто не раз доказывал ему, что это не значит, что он не может отражать и их свет. Возможно, этот мир мало что значит для него, все его души пролетают мимо, как муравьи, но Наруто никогда не был таким. И ради Наруто он спасет их.

А то, что он сможет отомстить за них, - просто приятный бонус, которым Курама очень доволен.

С наступлением ночи температура воздуха стремительно падает, и Курама с досадой бросает взгляд на серые тучи, скользящие по горизонту. Снег в Стране Огня - редкость, если только держаться подальше от гор, но, судя по поистине великолепному везению Курамы, он как раз попал в грозу. Денег у него нет, так что о постоялом дворе не может быть и речи, и как бы ни был щедр Хан, снабдивший его не рваной одеждой, вряд ли она достаточно толста, чтобы согреть его в метель. Если учесть, что сейчас он проезжает через фермерские земли, то здесь нет даже хороших пещер, в которых можно было бы укрыться. Либо спать в кустах на краю дороги, либо забраться в чей-то дом, а Курама не хочет иметь дело со всеми возможными проблемами, которые могут возникнуть в последнем случае.

Тем не менее, впереди виднеются огни, небольшое, плотное скопление их, и Курама решает, что он может проверить постоялый двор, если таковой имеется. Как бы ни была уязвлена его гордость, трактирщик, возможно, сжалится над ним или позволит заняться ручным трудом, чтобы компенсировать ночлег. Небольшое унижение стоит того, чтобы не замерзнуть до смерти, - неохотно решил Курама.

К тому же его ноги все еще голые. Он начинает терять чувствительность пальцев, и, как бы неопытен он ни был в том, чтобы прислушиваться к предупреждающим знакам человеческого тела, он знает, что это не к добру.

По крайней мере, двигаться теперь легче, - с легкой грустью думает Курама, добираясь до окраины крошечного городка. Ввязаться в драку - это, по крайней мере, хорошо, даже если Какудзу в конце концов чуть не поджарил его. Не то чтобы он впервые контролировал тело Наруто, но... пустота нервирует. Более ста лет Курама делил форму с человеком, держался на задворках их мыслей, когда не мог пробиться вперед, и оказаться без погружающего гула - все равно что внезапно сменить гравитацию так, чтобы вещи падали не вниз, а вбок. Это выбивает его из равновесия, и он настолько хорошо осознает отсутствие шума, что это почти сводит с ума.

Наруто всегда что-то делал, даже когда не контролировал ситуацию. Всегда думал, всегда чувствовал, а теперь просто ничего нет.